

**Елена Шмелева, Алексей
Шмелев**

**Русские анекдоты о евреях :
лингвистический аспект**

Studia Rossica Posnaniensia 28, 63-71

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РУССКИЕ АНЕКДОТЫ О ЕВРЕЯХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

RUSSIAN JOKES ABOUT JEWS: LINGUISTIC ASPECT

ЕЛЕНА ШМЕЛЕВА, АЛЕКСЕЙ ШМЕЛЕВ

ABSTRACT. Although numerous minority groups lived in the former Soviet Union, only few of them are known as characters of Russian popular jokes. Jews in Russian jokes are clever at business and sophisticated in their life strategies. The linguistic behavior of the corresponding characters supports their characteristics.

Елена Шмелева, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской Академии наук, ул. Волхонка 18/2, Москва, Россия.
Алексей Шмелев, Московский педагогический государственный университет, Малая Пироговская ул. 1, Москва, Россия.

Жанр рассказов об этнических меньшинствах или о народах-соседах существует в фольклоре самых разных народов. Французы и голландцы рассказывают анекдоты о бельгийцах, испанцы о португальцах, шведы – о норвежцах, а финны – о шведах. Это вполне естественно. Ведь представления о „человеке вообще” люди, как правило, формируют на основе наблюдений над собственным этносом, отличительные особенности которого, таким образом, принимаются за норму. Поскольку стереотипы поведения разных народов обычно не совпадают, специфические черты поведения, свойственные иным этносам (как правило, представленные в преувеличенном виде), часто воспринимаются как смешные, глупые, не соответствующие собственной, „правильной” норме поведения. Тем более смешными кажутся нарушения носителями других языков речевых стереотипов родного языка рассказчика. Это касается как нарушения собственно языковых норм (акцент, несвойственные языку рассказчика синтаксические конструкции), так и пристрастия к речевым стратегиям, не характерным для языка рассказчика. В России с ее огромной территорией и многонациональным населением русские постоянно сталкиваются

с различными типами „неправильного” с их точки зрения поведения и „неправильной” русской речью.

В то же время выбор персонажей русских анекдотов об этнических меньшинствах весьма ограничен. Из более чем сотни народов, населявших территорию Российской империи, а затем – территорию Советского Союза, лишь о единицах рассказываются анекдоты. При этом выбор героев для анекдотов изменился с течением времени. Если в начале XX в. героями анекдотов часто были цыгане или армяне, то в фольклоре 70-90-х гг. анекдотов про цыган почти нет, анекдоты про армян трансформировались в серию анекдотов об армянском радио, которые по жанру не принадлежат к разряду анекдотов об этнических меньшинствах (впрочем, отдельные анекдоты с героями-армянами еще встречаются). Наиболее частые герои русских анекдотов об этнических меньшинствах в современном фольклоре – это грузины, чукчи, украинцы („хохлы”) и евреи (отметим, что анекдоты о малороссах и еврейские анекдоты имеют давнюю историю, а анекдоты о грузинах и тем более о чукчах стали активно рассказываться в советское время). Конечно, существуют отдельные анекдоты и о других этнических меньшинствах, но в них, как правило, отражена какая-то одна выразительная черта характера народа, напр. эстонская сдержанность или белорусская покорность.

Такая ограниченность набора персонажей анекдотов не случайна. Она связана с местом анекдота среди других фольклорных жанров.

Анекдот как жанр современного городского фольклора отличается и от литературного анекдота, биографического анекдота, исторического анекдота, и от так называемых сказок-анекдотов, юмористических новелл и других фольклорных жанров такого рода в первую очередь тем, что по своей природе вообще не относится к повествовательному жанру. Лингвистический анализ показывает, что ближе всего современный городской анекдот стоит к таким фольклорным жанрам, как народный театр. Рассказывание анекдота – это не повествование, а представление, производимое единственным актером.

Этим и объясняются многие особенности языковых средств, используемых при рассказывании анекдотов. Для многих анекдотов первостепенную конструктивную роль играет интонация рассказчика, его мимика и жестикуляция. В ряде случаев именно они создают то, что называется „солью” анекдота (именно поэтому недостаточным для представления о сущности анекдота оказывается изучение текста анекдотов, представленного выходящими в последнее время большими тиражами многочисленными сборниками анекдотов).

Анализируя текст анекдота следует четко разграничивать три языковых слоя: (1) „метатекстовые” вводы (фразы типа „это как в том анекдоте...”, „ну, ты прямо, как тот муж из анекдота...”, „это как тот раввин...” или же „слахал анекдот о...?”, „кстати, знаете анекдот...?”, „да-

вай(те) расскажу анекдот...” и т.п.); (2) текст „от автора”; (3) речь персонажей.

„Метатекстовые” вводы, как правило, не принадлежат непосредственно к строению анекдота, однако в некоторых случаях они приобретают статус конструктивно значимого элемента. В частности, это касается анекдотов, рассказываемых в интерактивном режиме (*Знаете самый короткий анекдот? – ...? – Коммунизм. А самый длинный? – ...? – Путь к коммунизму*).

Коренное отличие от нарратива в повествовательных жанрах фольклора или в устных повествованиях о реальных событиях обнаруживают особенности используемого в анекдотах „текста от автора”. В анекдоте совершенно невозможны интродуктивные зачины типа „Жил – был...”, „Жил...” или просто „Один мой знакомый...”, „Однажды...”; ср. начало устной новеллы „Вчера муж одной моей подруги пришел с работы и...” или случая из жизни „Тут какой-то грузин заходил, спрашивал...” и начало анекдотов „Приходит муж с работы...” или „Заходит грузин в ресторан...”. Персонажи анекдота, как и персонажи фольклорного театра, не нуждаются в представлении, их число ограничено, они известны всем носителям языка и представителям данной культуры. Преимущественное употребление повествователем настоящего времени в анекдотах также связано с особенностями анекдота как театрального жанра: действие как бы разворачивается в данный момент перед глазами зрителей. Помимо настоящего времени в анекдотах ограничено используется прошедшее время глаголов совершенного вида в результативном значении. Выбор между двумя возможными зачинами: *Приходит муж домой с работы и видит...* и *Пришел муж домой с работы и видит...* – определяется выбором между двумя „режиссерскими” решениями. При первом из них слушатели анекдота как бы видят мужа возвращающегося домой с работы, открывающего дверь, входящего в квартиру и видящего...; при втором – они сразу представляют себе сцену: мужа, только что вернувшегося домой с работы и видящего...

Говоря о третьем языковом слое – речи персонажей анекдотов – следует иметь в виду, что все „роли” в анекдоте исполняются одним „актером” – рассказчиком анекдота. Никаких костюмов, масок или кукол, как в народном театре, не предполагается. Следовательно, персонажи должны быть узнаваемы по речевым особенностям, которые тем самым играют роль своего рода речевой маски соответствующего персонажа. Именно поэтому число персонажей в анекдотах ограничено, и современный городской анекдот характеризуется относительно постоянным набором возможных персонажей (около четырех-пяти десятков), имеющих стабильные характерные речевые характеристики. Помимо представителей этнических меньшинств, к ним относятся также представители некоторых народов (русский, американец, француз, англичанин,

немец, болгарин, китаец, негр), герои популярных телевизионных фильмов (*Штирлиц, Мюллер, Шерлок Холмс, Ватсон, Чебурашка, крокодил Гена, поручик Ржевский, Наташа Ростова* и др.), речь которых в анекдоте в целом соответствует речи их телевизионных прототипов, а также политические деятели (*Брежнев, Хрущев, Ленин, Дзержинский, Сталин, Берия, Кеннеди, Миттеран* и др.) и такие герои, как *муж, жена, любовник, начальник, секретарша, профессор, аспирант(ка), студент(ы), Вовочка, учительница, милиционер(ы), новый русский, прохожий* и т.п.

Речевые характеристики персонажей анекдотов особым образом коррелируют с их характерами. Показателен сопоставительный анализ речи персонажей, выполняющих в анекдотах, на первый взгляд, сходные или тождественные функции. Так, роль главного героя существующей у самых разных народов серии „Анекдоты о богачах” в советское время выполнял *грузин*. В настоящее время эта роль принадлежит *новому русскому*, а до революции главным героем таких анекдотов был *загулявший купец*. Однако речь указанных персонажей имеет мало общего, и это соответствует глубоким различиям в их характере (*грузин-бонвиван*, любящий пустить пыль в глаза и использующий свое богатство для того, чтобы наслаждаться жизнью; *новый русский* тяготеет своим богатством, не знает, что с ним делать; *загулявший купец* ищет способа заглушить охватывающую его тоску).

Особенно яркие речевые характеристики, как и следует ожидать, отличают персонажей анекдотов об этнических меньшинствах.

Помимо акцента и типичных грамматических ошибок, имитация которых представляет лишь речевую маску и не является семантически и прагматически нагруженной, сюда относится интонация, склонность к использованию определенных частиц, этикетных формул, диалогические стратегии и т.д. Так, говоря о склонности персонажей к использованию прагматически насыщенных частиц, можно отметить, что для грузин это произносимое с особою интонацией вопросительное *Да?*, для чукчей – слово *однако*, для евреев частица *таки*. Склонность к чрезмерному (с точки зрения русских речевых стереотипов) использованию соответствующих языковых средств может играть решающую роль в создании комической ситуации, как в анекдоте о грузинской и еврейской кошке. „Мяу, да?” – говорит грузинская кошка, и еврейская отвечает: „Таки мяу!” Однако больший интерес, как кажется, представляют случаи, когда использование той или иной единицы определенным образом коррелирует с какими-то чертами характера, приписываемыми в анекдотах соответствующему этническому и языковому меньшинству.

В этом смысле многие особенности образа еврея в русском анекдоте могут быть установлены на основе наблюдений над речевыми свойствами соответствующих персонажей. Эти особенности нагляднее видны, если сопоставить речь евреев в анекдоте с речью других персонажей, относя-

щихся к этническим меньшинствам, – *грузинов* и *чукчей*. (Речевые характеристики украинцев в русском анекдоте стоят особняком. Если грузины, чукчи и евреи в анекдотах говорят по-русски, а этноязыковая принадлежность персонажа подчеркивается при помощи специальных вкраплений, то украинцы в анекдотах говорят по-украински – в той мере, в какой рассказчик в состоянии имитировать украинскую речь).

Здесь необходимо сделать оговорку. Грузины и чукчи в анекдотах на русском языке всегда функционируют именно как персонажи русского анекдота. В то же время анекдоты о евреях нередко представляют собою возникшие в еврейской среде анекдоты, которые могут рассказываться на русском языке, а могут и на любом другом (так, многие из анекдотов, вошедших в известные книги Лео Ростена, рассказываются и по-русски). Строго говоря, можно считать, что в таких анекдотах мы имеем дело не с образом еврея в русском анекдоте, а с образным строем еврейского анекдота.

Впрочем, не следует преувеличивать возникающие в этой связи трудности. Под русским анекдотом о евреях можно понимать любой анекдот с персонажами-евреями, имеющий достаточно широкое хождение в русской среде. Независимо от генезиса таких анекдотов, с синхронной точки зрения, они все попадают в один класс, и анекдот, родившийся в еврейском местечке начала века, но активно рассказываемый в современном русском городском обществе, функционально ничем не отличается от анекдота о евреях, который и возник, и рассказывается в русской городской среде.

Итак, для речевой характеристики *грузина* как героя анекдотов характерно использование *да?* (в том числе противоречащее русской литературной норме употребление *да?* при императиве), обращение на *ты* в разговоре с незнакомым человеком, частое употребление побудительных предложений и риторических вопросов. Все это выражает установку грузина на контакт и взаимопонимание с собеседником.

Стандартной речевой характеристикой *чукчи* в анекдотах является слово *однако*, соответствующее общему внутреннему состоянию чукчи в анекдотах – пассивному изумлению перед окружающим миром и недоумению человека, столкнувшегося с непривычной для него цивилизацией. Этой же цели служит и свойственное чукче в анекдотах обозначение себя в третьем лице. Словарный запас чукчи в анекдотах беден, он ограничивается словарем-минимумом, состоящим из самых простых и употребительных слов, а выход за пределы такого словарного запаса воспринимается как маркированный и создает добавочный комический эффект. Чукчи в анекдотах, как и грузины, чаще всего обращаются к собеседнику на *ты*, однако для них функция такого способа обращения несколько иная: это как бы речь ребенка или человека, почти не затронутого цивилизацией и условностями этикета.

Евреи в анекдотах характеризуются свойствами, в корне отличными от грузин и чукчей, и это подчеркивается их речевыми характеристиками. Для *еврея* как героя анекдота характерна частица *таки*, служащая показателем установки, во многом противоположной той, которая лежит в основе использования *однако*. Использование *таки* хорошо отвечает установке человека, все знающего наперед и любящего (иногда с некоторым занудством) подчеркнуть, что его предвидения оправдались, несмотря на возможные сомнения. Именно такая установка характерна для *еврея* как героя анекдота, и не случайно именно *таки* (особенно в сочетании *таки да*) служит одним из самых характерных признаков *еврея* в анекдотах.

Евреи в анекдотах во многом следуют особому „речевому этикету”, придающему их речи специфический „национальный колорит”: отвечают вопросом на вопрос (ср. анекдот: „Почему вы все время отвечаете вопросом на вопрос?” – „А как надо?”), ценят выражение сочувствия выше, чем комплименты собеседнику („еврейский комплимент”: „Как вы сегодня плохо выглядите”), сами, отвечая на комплимент, начинают возражать собеседнику, при упоминании любого лица считают необходимым дать ему оценку, обычно в форме пожелания („Пусть она будет счастлива”, „Чтоб у него было столько болячек, сколько у меня долгов”, „Чтоб он так жил...”) и т.д. Характерна также манера начинать вопрос с союза *и* (типичные примеры – 1) *Вы выходите на следующей?* – *Да.* – *А женщина перед вами выходит?* – *Да-да.* – *А вы ее спрашивали?* – *Да, конечно.* – *И что она ответила?*; 2) *Два еврея смотрят по телевидению футбольный матч. Комментатор сообщает: „Гол забил Гершкович”. Один еврей поворачивается к другому и говорит: „И вы думаете они этот гол засчитают?”*; 3) *Контролер в поезде обращается к еврею: „У вас билет до Херсона, а поезд идет в Конотоп”. – „И часто ваши машинисты так ошибаются?”*).

При этом указанные речевые особенности подчеркивают те или иные черты образа *еврея* в анекдоте. Напр., склонность отвечать вопросом на вопрос определенным образом соотносится с такими чертами, как прижимистость (ср. анекдот: *Рабинович, сколько денег ты положил в конверт к молодоженам?* – *А разве конверт уже ничего не стоит?*), покладистость (*Извините, сколько сейчас времени?* – *А сколько вам надо?*), а чаще всего сочетание прижимистости и покладистости в сочетании со своеобразною хитростью, как в анекдоте, в котором обыгрывается энантиосемия русского глагола *одолжить* (*Рабинович, вы не могли бы одолжить 100 рублей?* – *Хорошо, а у кого?*).

Многие характеристики *евреев* в русских анекдотах мало изменились за более чем столетнюю историю существования этой серии. *Еврей* – умные, хитрые, жадные. Часто богатые, но в отличие от других персонажей русских анекдотов про богачей – *загулявших купцов, грузин* и *новых русских* – не демонстрируют свое богатство, а стараются скрыть его.

Имеют большие способности к бизнесу (часто нечестному). Евреи за свою долгую, полную гонений историю научились приспосабливаться ко всему, поэтому могут приспособиться и к советской власти и даже обмануть ее представителей (милицию, таможенников и др.). Евреи – физически слабые, хотя благодаря своей хитрости иногда побеждают более сильного противника.

Доминирующая черта евреев во многих анекдотах – осторожность, подчас граничащая с трусостью: в политике, в бизнесе (поэтому евреи и не афишируют свое богатство) и просто в жизни (характерный пример: *Хаим с Натаном возвращаются домой поздно вечером и вдруг замечают вдалеке двух подозрительного вида субъектов. Хаим говорит Натану: „Знаешь что, давай перейдем на другую сторону, их-таки двое, а мы одни”*). Впрочем, здесь следует отметить, что после Шестидневной войны эта характеристика была несколько скорректирована. В русском фольклоре появилось много анекдотов о победоносных израильских солдатах. В этих анекдотах израильские солдаты побеждают не числом, а умением, хотя в большинстве из них все же не столько силою и храбростью, сколько хитростью. Способность немногочисленных израильских солдат побеждать во много раз превосходящие силы противника просто поражает воображение. Приведем два анекдота из этой серии. (1) *Стоит израильский солдат на посту. Египтяне посылают взвод солдат, чтобы убрать его. Перестрелка. Все египтяне убиты, солдат стоит. Посылают роту. Перестрелка, все египтяне убиты, солдат стоит. Посылают батальон. Перестрелка, все египтяне убиты, солдат стоит. Посылают полк. Долгая перестрелка, наконец возвращается один раненый египетский солдат и говорит: „Это все еврейские штучки, там в засаде второй сидит!”*; (2) *Президент Джонсон обратился к Израилю за помощью во вьетнамской войне. Израильское правительство приняло решение послать на помощь пять солдат. „Вы бы хоть десять послали”, – говорит Джонсон. „Вы что, с Китаем воевать собираетесь?” – удивляются израильтяне*. Впрочем, речь израильтян в анекдотах, как правило, лишена „национально-специфических” характеристик, и в этом смысле не столь интересна для лингвиста, исследующего речевые особенности персонажей русских анекдотов.

Еврей в русском анекдоте – хороший семьянин, для него очень важна его жена, дети и вообще все многочисленные родственники. Приверженность семейным связям подчеркивается средствами, при помощи которых еврей осуществляет референцию к своим родственникам, в частности к жене: *моя Сарочка* вместо *моя жена* или *Сара*. Если выбор обозначения *моя жена* или использования имени существенным образом зависел бы от степени знания адресата о семейной жизни говорящего (напр., использование имени нежелательно, в случае когда адресат речи не знаком с референтом имени), то обозначение типа *моя Сарочка* оказывается универсальным, будучи одновременно достаточно информативным (подобно

выражению *моя жена*) и достаточно интимным, чтобы выразить теплые чувства говорящего по отношению к жене.

Если грузины и чукчи в анекдотах обращаются к незнакомому собеседнику на *ты*, то евреи используют более формальное обращение на *вы*. Это, разумеется, не случайно. Евреям в анекдотах не свойственна ни панибратская манера грузин, ни первобытная незатронутость цивилизацией, свойственная чукчам. Однако, как и грузинам, евреям в анекдотах свойственна установка на контакт с собеседником, что подчеркивается постоянной апелляцией к слушателю (**вы думаете, что...**), однако ценен для еврея не контакт сам по себе, а возникающая при этом „задушевность”: контакт ценится, поскольку дает возможность выразить сочувствие и самому оказаться объектом сочувствия. Поэтому еврей в анекдоте может не только осуществлять референцию к самому себе при помощи местоимения первого лица, но и, как чукча, называть себя в третьем лице – *бедный еврей* (ср. *Как вам нужно, так Ленин вечно живой, а как нужно бедному еврею, так он умер!*). Однако понятно, что функция такого самообозначения совсем иная, нежели в случае с чукчами. Если чукча сам удивленно глядит на себя со стороны, то еврей приглашает собеседника или домысливаемого наблюдателя посмотреть на него и „посочувствовать”.

Все указанные выше речевые особенности позволяют легко идентифицировать героя анекдота как еврея и иногда оказываются решающими для разграничения различных вариантов одного и того же анекдота. Так, известен анекдот о том, как муж, вернувшись домой из гостей, рассказывает, что в доме, в котором он был, унитаз из золота. Жена идет туда, чтобы посмотреть на такое чудо, а хозяева говорят: „Это жена того идиота, который нам нагадил в саксофон”. В такой версии в анекдоте нет ничего специфически еврейского, его персонажи – это просто *муж, жена*, их знакомые. Но существует и „еврейская” версия этого анекдота: *Абрам приходит домой поздно и говорит жене: „Сара, я не могу спать, я не могу есть, я не могу жить, я сегодня был у Изи, я не могу жить, у Изи золотой унитаз!” И говорит так ей всю ночь. Наутро Сара не выдерживает и идет к Изе. Дверь открывает жена Изи. Сара говорит: „Простите, но мне мой муж сказал, что у вас-таки совершенно золотой унитаз, он не может жить, я тоже не могу жить, наши дети не могут жить уже давно, жить в этой стране вообще невозможно, у вас есть золотой унитаз или что вы тут мне говорите, можно я на него-таки погляжу?” Жена Изи оборачивается и кричит вглубь квартиры: „Изя, иди скорее сюда, это пришла жена того идиота, который тебе вчера наделал в саксофон!”* То, что персонажи – евреи, ярко проявляется в их речи и было бы очевидно для любого слушателя, даже если бы им не были даны (типичные для еврейских персонажей русских анекдотов) имена *Абрам* и *Сара*.

Итак, мы видим, что евреи в анекдотах легко узнаваемы благодаря специфическим особенностям речи. Однако к „узнаваемости” дело не сво-

дится. Особенности речи оказываются одним из важнейших средств, позволяющих выпукло представить систему внутренних установок персонажа. Образ еврея в русском анекдоте с высокой степенью надежности может быть реконструирован на основе наблюдений над особенностями речи соответствующих персонажей.